

УДК – 343
ББК – 67

ГРЕБЕННИКОВ Валерий Васильевич,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой судебной власти,
правоохранительной и правозащитной деятельности
Юридического института
Российского университета дружбы народов
e-mail: grebval@yandex.ru

12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

К ВОПРОСУ О ПРЕЦЕДЕНТНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Главная цель системы судебного прецедента – обеспечение единообразного применения права. Эта система предназначена для того, чтобы устранить деривационное, отклоняющееся поведение различных судов, чтобы все «потребители» юридической продукции в разных частях страны знали, что к ним будет применена норма определенного содержания. Необходимо, на наш взгляд, проявлять известную долю осторожности и не превышать значения судебного прецедента, потому что может быть, что сегодняшняя судебная ошибка завтра станет судебным прецедентом, а сегодняшний судебный прецедент – ошибкой.

Ключевые слова: общественные отношения, судебный прецедент, практика применения законодательства, судебное истолкование правовых норм.

GREBENNIKOV Valery Vasilyevich,
doctor of jurisprudence,
professor, head of the department of judicial authority,
law-enforcement and human rights activities
of Legal institute of the Russian Peoples'
Friendship University
e-mail: grebval@yandex.ru

TO A QUESTION OF CASE REGULATION OF THE PUBLIC RELATIONS

Summary. A main goal of system of judicial precedent – support of uniform application of the right. This system is intended to remove derivational, deviant behavior of different courts that all «customers» of legal production in different parts of the country knew that the norm of a certain contents will be applied to them. It is necessary to show, in our opinion, the known share of caution and not to exceed value of judicial precedent because can be that today's miscarriage of justice will become judicial precedent tomorrow, and today's judicial precedent – an error.

Keywords: public relations, judicial precedent, practice of application of the legislation, judicial interpretation of precepts of law.

Судебная власть как одна из ветвей государственной власти не может существовать без возможности правового воздействия на действительность. Властное воздействие на общественные отношения всегда имеет нормативное и ненормативное выражение. Применительно к проявлениям судебной власти их можно определить как судебный прецедент и судебное решение в отношении субъективных прав конкретного лица. В судебном решении получает урегулированную конкретную ситуацию. В судебном прецеденте формулируется правило, общее для разрешения множества подобных ситуаций [3, с. 91, 92].

Необходимость прецедентного регулирования общественных отношений основывается и на многообразии общественной жизни и свободе человеческой инициативы. Свободное человеческое поведение влечет за собой настолько быстрое изменение общественных систем и структур, что адекватное законодательное регулирование этих изменений чаще всего невозможно. Более того, оперативное урегулирование законом правовой лакуны зачастую опасно: отсутствие ясных знаний о возникшем явлении может привести к выработке дефектной законодательной нормы, слишком расплывчатой, неточной, неполной и т.д. Такая норма сама по себе вызовет необходимость появления прецедентов. Кроме того, существование закона в языковой форме всегда несет в себе потенциал прецедента, ибо ни одна языковая составляющая не способна идеально совместить реальность (общественное отношение) и право. Разнотение, недоказанность, несостыкованность закона и действительности обязательно станут уделом раздумий судьи. Именно этот носитель государственной власти будет сводить такие проблемы к единому знаменателю. Зачастую знаменателем оказывается судебный прецедент [1]. Итак, причины появления прецедента зависят не от того, допускается ли этот источник законодателем, но от самой сущности судебной деятельности, олицетворяющей властную функцию государства и направленной на правовое воздействие на общественные отношения [3, с. 91, 92]. Из

вышесказанного следует, что в российской правовой системе, как и в любой континентальной системе права, в той или иной форме прецедент как источник права существовал всегда. Более того, опосредованно он неизменно таковым и признавался, но при этом в научных работах метафора «источник права» к результатам судебной деятельности не применялась. Так, применение закона или права по аналогии, допускаемое и советским, и российским законодательством, возможно, следует рассматривать как элемент прецедентного регулирования. Во всяком случае, западная доктрина рассматривает аналогию как разновидность прецедентного регулирования.

При грамотном руководстве судебной «пирамидой» власти, правильных ориентирах, которые могли бы задавать нижестоящим звеньям судебной системы руководители высших судов (Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ) судебная практика (судебные решения) могла бы стать менее разрозненной, более упорядоченной, разумной и справедливой. Это – шанс для восстановления авторитета и справедливой работы судов: полное олицетворение принципа равенства всех перед законом и судом, когда судебные решения, принятые по аналогичным делам, должны стать основой для принятия соответствующих решений по однородным делам.

В связи с этим следует упомянуть Постановление Пленума ВАС РФ от 14 февраля 2008 г. № 14 «О внесении дополнений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 марта 2007 г. № 17 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам»». Согласно данному Постановлению, Президиум ВАС с 2007 г. стал рассматривать только дела, имеющие значение для формирования практики применения законодательства. Принятые по ним постановления в идеале должны были стать эталоном для будущих судебных разбирательств по схожим спорам. По сути, это – попытка (еще в 2007 г.) отладить отечественное ар-

битражное судопроизводство в соответствии с принципами прецедентного права.

Совокупность правовых норм, регулирующих оборот товаров, услуг, капиталов, должна вызывать у участников оборота уверенность в стабильности юридических правил, которые исходят от государства, и, следовательно, в устойчивости их экономического статуса и существующих между ними связей. В обеспечении правовой стабильности велико значение судебного истолкования правовых норм в тех случаях, когда происходит институционализация в форме признания за судебной практикой высших судов значения источника права.

В англо-американском праве правило *stare decisis*, которое обуславливает строго обязательную силу судебных прецедентов независимо от того, как они согласуются с мнением судьи, лучше обеспечивает разумный баланс независимости судьи и правовой стабильности, чем в странах континентальной Европы. Всякое решение суда, если оно претендует на то, чтобы быть воспроизводимым в других решениях, является способом корректировки, обеспечения единообразия в судебной практике. Главная цель системы судебного прецедента – обеспечение единообразного применения права. Эта система предназначена для того, чтобы устранить деривационное, отклоняющееся поведение различных судов, чтобы все «потребители» юридической продукции в разных частях страны знали, что к ним будет применена норма определенного содержания. Необходимо, на наш взгляд, проявлять известную долю осторожности и не превышать значения судебного прецедента, потому что может быть, что сегодняшняя судебная ошибка завтра станет судебным прецедентом, а сегодняшний судебный прецедент – ошибкой.

И это противоречие не позволяет рассматривать доктрину судебного прецедента как некую панацею, как то, что позволяет руководствоваться только ею. Должна присутствовать определенная доля скепсиса, чтобы помочь найти более объективные решения. Прецедентное право в России крайне необходимо, и считаю себя его

горячим сторонником. Здесь имеются в виду не только решения Конституционного Суда, применительно к которым неприлично говорить о том, что нет прецедента, но и решения судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Итак, главная цель – обеспечить стабильность правовых отношений, которая включает в себя и определенную предсказуемость судебных решений; ведь мы знаем, насколько непредсказуемое поведение суда отпугивает предпринимателей, как российских, так и иностранных. И когда гражданское, особенно налоговое, законодательство только складывается, потребность в судебных прецедентах становится особенно важной.

При этом надо раз и навсегда договориться, что мы имеем в виду под понятием «прецедент». Это юридическое явление в России разительно отличается от судебного прецедента в английском праве, потому что мы развивались в другой исторической среде. Формы появления в России того, что условно названо прецедентом, таковы:

- во-первых, зачатки прецедентного права наблюдаются в деятельности Конституционного Суда РФ и судов общей юрисдикции. Начнем с того, что представляет собой правовая позиция Конституционного Суда. Это довольно новое явление в правовой системе, и потому необходимо разобраться в понятиях. Данное понятие используется в ст. 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». И возникает вопрос: совпадают ли эти два понятия – итоговое постановление Конституционного Суда и правовая позиция Конституционного Суда, которая выражается в мотивировке решения? Постановление Конституционного Суда в целом посвящается решению одной конкретной проблемы: соответствует ли Конституции РФ проверяемая судом норма.

При этом предмет рассмотрения Конституционного Суда предопределяется предметом обращения, т.е. это та норма, по поводу которой осуществляется судопроизводство. Но часто бывает, что аналогичное юридическое содержание присутствует и во многих других нормах, в других законах, которые Конституционным Судом

не проверяются. Эта проблема особенно злободневна для России, огромной страны, состоящей из большого количества (85) субъектов Федерации и имеющей много однотипных законов (уровня субъекта Российской Федерации). Если Конституционный Суд РФ, проверяя один закон одного субъекта Российской Федерации, признает какую-то норму неконституционной, но точно такие же нормы содержатся в законах, например, еще 70 субъектов РФ, следует ли каждый раз тиражировать уже решенный вопрос? В Конституционном Суде РФ сочли, что это контрпродуктивно, и была использована универсальная и важная юридическая технология – понятие «правовая позиция».

Оспариваемая в Конституционном Суде РФ норма всегда конкретна. Однако выводы Конституционного Суда и связи с проверкой ее конституционности, основанные на истолковании конституционных норм и принципов, имеют, как правило, более общее значение. И они могут быть распространены на аналогичные по юридическому содержанию нормы, содержащиеся в других законах и подзаконных актах. При этом Конституционный Суд РФ опирается на Закон о Конституционном Суде РФ, в ст. 87 которого установлено, что признание нормативного акта не соответствующим Конституции является основанием отмены в установленном порядке положений других нормативных актов, основанных на нормативном акте, признанном неконституционным, либо воспроизводящих его содержание или содержащих аналогичные положения.

Несмотря на то что эта норма содержится в законе о Конституционном Суде РФ, ее адресатами являются все законодатели и правоприменители. Это – Федеральный конституционный закон, имеющий особый статус в нашей правовой системе. Таким образом, правовые последствия признания конкретной нормы неконституционной оказываются более значительными, так как они отражают данную Конституционным Судом РФ оценку правовой позиции законотворческих органов, создавших не только эту конкретную норму, но и все другие нормы с аналогичным

юридическим содержанием. В этом смысле понятия «оспариваемая в рамках конституционного судопроизводства норма» и «предмет рассмотрения» в конституционном судопроизводстве не совпадают. На примере конкретной оспоренной нормы Конституционный Суд рассматривает определенную, весьма значимую юридическую проблему, и это составляет предмет рассмотрения.

Правовая позиция Конституционного Суда РФ представляет собой обнаруженный на примере исследования конституционности какой-то одной оспоренной нормы принцип разрешения группы юридических дел. Это своеобразные лекала, которые применимы и для разрешения сходных юридических дел. И можно привести много примеров, когда Конституционный Суд РФ воспроизводит и таким образом генерализирует свои принятые ранее решения.

В заключение, видимо, надо отметить еще одну юридическую технологию, которую применяет Конституционный Суд РФ в последнее время и которая получила широкое распространение, – технологию «конституционного» истолкования норм обычных законов. Судьи Федерального конституционного суда ФРГ называют такое толкование обычных законов «конституционно-конформным». Проверяется, скажем, норма уголовно-процессуального законодательства, и при ее рассмотрении выясняется, что она допускает разные истолкования, так как не очень хорошо сформулирована. Ее можно применять в одном смысле и в другом, противоположном смысле. Следует ли в таких случаях торопиться и объявлять эту норму неконституционной? Ведь всегда необходимо помнить о последствиях этого решения: нормы не будет вообще, и это, может быть, создаст еще большие трудности. В этих ситуациях, по мнению Конституционного Суда РФ, норма, если ее истолковывать таким-то образом, в том смысле, в котором это соответствует конституционным принципам и положениям, может применяться. Таким образом, эта норма не объявляется неконституционной, но по существу ей придается новое звучание. Она ведет себя по-иному, ее регулятивное воздей-

ствии в принципе изменяется. И это очень хороший способ: когда Конституционный Суд РФ, не «выбраковывая» норму, не признавая ее недействующей, тем не менее, меняет право. Но разве это не прецедент? Разве этот прецедент толкования не обязательен для других судов? Это очень разумный механизм последовательной конституционализации отраслевого законодательства. И так должны поступать все суды. Но, наверное, с одной очень важной оговоркой – все высшие суды.

Источником права являются, с нашей точки зрения, не только резолютивная часть судебного решения, формулирующая окончательный вывод суда о соответствии закону оспариваемого акта, но и мотивы, которые приводятся судом в обоснование этого вывода для наиболее полного осуществления судами конституционных функций по защите прав и свобод человека и гражданина. Конституция не только наделила эти органы полномочиями толковать нормы закона с целью его правомерной реализации на практике, но и вменила в обязанность судам оценивать их на предмет соответствия Конституции РФ, общепризнанным принципам и нормам международного права, т.е. осуществлять так называемый опосредованный нормоконтроль [2, с. 131, 132].

Список литературы

[1] *Кузнецов В.Н.* Судебный прецедент - де-факто источник права на евразийском пространстве // Евразийская адвокатура. 2015. № 5 (18). - С. 27-30.

[2] *Михалева Н.В.* Судебная практика судов общей юрисдикции как источник права (роль судебных постановлений по конкретным делам и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ в формировании и обеспечении единства судебной практики) // Судебная практика как источник права. М.: Юрист, 2000.

[3] *Нешатаева Т.Н.* К вопросу об источниках права – судебном прецеденте и доктрине // Судебная практика как источник права. М.: Юрист, 2000.

Spisok literatury

[1] *Kuznecov V.N.* Sudebnyj precedent - defakto istochnik prava na evrazijskom prostranstve // Evrazijskaja advokatura. 2015. № 5 (18). - S. 27-30.

[2] *Mixaleva N.V.* Sudebnaya praktika sudov obshhej yurisdikcii kak istochnik prava (rol' sudebny'x postanovlenij po konkretny'm delam i raz'yasnenij Plenuma Verxovnogo Suda RF v formirovanii i obespechenii edinstva sudebnoj praktiki) // Sudebnaya praktika kak istochnik prava. M.: Yurist», 2000.

[3] *Neshataeva T.N.* K voprosu ob istochnikax prava – sudebnom precedente i doktrine // Sudebnaya praktika kak istochnik prava. M.: Yurist», 2000.

